

ДЕРБЕНТ В НОВОЙ ГЕОКУЛЬТУРНОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

Пашаева Ш.Ю.

Пашаева Шери Юсуфовна – кандидат исторических наук, докторант,
г. Махачкала

Аннотация: нужны новые научно-исторические подходы адекватные времени. Выявляется актуальная необходимость смены политического вектора при освещении истории города Дербент в сторону национальных интересов России и дагестанских автохтонных народов. Обозначается возрастание идеологической роли современного экскурсионного рассказа в процессе освещения истории города Дербент в туристическом сегменте. Говоря о геокультуре, речь идет о геополитике, строящейся на культурных критериях диалога, мира и безопасности, различения культурно «своих» и «чужих», в связи чем меняются приоритеты. Старые подходы, в том числе и научно-исторические, становятся неактуальными и уходят в прошлое. В научный оборот вводится особая оценочная шкала, которая ставит вопрос о культурном состоянии современного мира, выстраиваемом между двумя полюсами. Освещение истории в патриотическом ключе становится приоритетным в настоящее время. Ошибки советского прошлого так или иначе приходится признавать и исправлять в современное время, несмотря на всю сложность ситуации в этом отношении в некоторых многонациональных республиках. Особенно имеет место проблема длительного и устойчивого игнорирования национальных интересов дагестанских автохтонных народов Южного Дагестана при освещении истории Кавказской Албании и одного из самых древних городов – города Дербент. Город Дербент является культурной столицей Южного Дагестана и центром геокультурного пространства дагестанских автохтонных народов, в частности, лезгинских народов. Выдающийся российский востоковед Аликберов А. К. в связи с этим, например, пишет, что «признавая кавказских албан близкими по происхождению и языку восточнокавказскими племенами, многие исследователи, тем не менее, стараются сегодня избегать даже упоминания о лезгинских или в целом дагестанских народах, замалчивать их этническую, этнокультурную причастность.» [Albania Caucasicca: Сб. статей. — Вып. I / предисл., подгот. А.К. Аликберов, М.С. Гаджиев / Российская акад. наук. Ин-т востоковедения. Дагестанский науч. центр. Ин-т истории, археологии и этнографии. — Институт востоковедения РАН, 2015, С. 22]. В ДНЦ РАН, в большей степени, привычка следовать установкам извне в интересах соседней закавказской республики идёт с советского времени и закрепилась уже в постсоветское время. Но настало время перемен. Подобное положение дел в отношении истории Южного Дагестана и города Дербент не только не может уже более продолжаться, а становится деструктивным, противоречащим национальным интересам республики и страны. В настоящее время, особенно в связи со всеми происходящими в мире глобальными геополитическими сдвигами, встаёт вопрос качественной перезагрузки политики в отношении освещения истории древнейшего города России – города Дербент – в сторону интересов России и национальных культур дагестанских автохтонных народов. Необходимо прояснить научные приоритеты в этом направлении, признать серьёзные перекосы в официально утверждённой (сасанидской) версии истории Дербент, перешедшие в информационное сопровождение экскурсий музея-заповедника «Нарын-кала» в Республике Дагестан, а отсюда распространяемые и по всей России. Город Дербент стал местом массового внутреннего российского туризма. С каждым годом туристический поток всё более многочисленнее. В связи с чем возрастает политико-идеологическая роль экскурсионного рассказа на территории музея-заповедника «Нарын-кала» и всего информационного поля республики. В результате проведённого анализа сложившегося вокруг истории города Дербент информационного фона выяснилось, что история крепости и города в республике освещается крайне односторонне. Российский турист не получает качественной полноценной исторической справки о городе Дербент, не узнаёт альтернативных исторических версий истории происхождения крепости «Нарын-кала», а главное, абсолютно не освещается роль местных дагестанских автохтонных народов в его сооружении в прошлом. На сегодняшний день мы имеем ситуацию, когда в официальных экскурсионных рассказах музея-заповедника «Нарын-кала» замалчиваются все прочие версии происхождения крепости, кроме сасанидской. Если более конкретно, то замалчивается: античный период истории города Дербент в составе Кавказской Албании; христианская история города и факт нахождения на территории цитадели древних сооружений, которые археологи, причастные к их обнаружению и исследованию, считают памятниками самого раннего христианства на территории России; факт противоречивости сведений источников относительно истории происхождения крепости; невозможность объяснить название цитадели «Нарын-кала»; недоказанность, спорность и условность официально утверждённой в 2012 году даты возраста Дербента; историческая роль автохтонных народов Южного Дагестана в истории крепости «Нарын-кала» и города Дербент. Проблема больше заключается в самой дагестанской историографии, задавшей в советское время определённый политический вектор в этом отношении, которого придерживаются новые поколения историков, а музей-заповедник «Нарын-кала» проводит заданный вектор уже в формате изложения истории города Дербента в туристическом сегменте, откуда односторонняя информация распространяется по всей стране. Также существует большой узел противоречий относительно официально утверждённой в 2012 года юбилейной даты города Дербент, выражающиеся в научной полемике двух известных главных оппонентов. Но научные споры

остаются за рамкой понимания обычного российского туриста, который приезжает смотреть древности и желает получить полноценную информацию об историческом объекте. Несмотря на всё противодействие со стороны сторонников официально утверждённой даты, историко-археологические исследования продолжаются, окончательная точка на выявлении возраста города не поставлена. Здоровая научная полемика – это то, чего не хватает в теме возраста Дербента. За принципиальным нежеланием допустить иного подхода к истории города Дербент стоят не столько учёные, сколько определённые этнополитические круги. В теме существует мощное внешнеполитическое влияние. Соседняя закавказская республика, не заинтересованная в выявлении исторической роли дагестанских автохтонных народов в строительстве древней цитадели, популяризирует собственную версию в своих национальных интересах, которую через своё научное лобби навязывают и ДНЦ РАН. Современные национальные интересы государства диктуют перемены в исторических подходах. Продолжать преподносить историю города Дербент в интересах чуждой идеологии в ущерб интересам дагестанских автохтонных народов становится неприемлемым. Необходима перезагрузка в этом отношении. Идеологическая важность города Дербент недооценена и над этим необходимо работать. Ещё Пётр Первый уделял внимание городу Дербент не просто как военно-стратегическому и экономическому центру, а что более важно, как идеологическому форпосту России на Кавказе. «Император придавал большое значение Дербенту как оплоту российского влияния на Кавказе...» [Иноземцева Е. И. Дербент в культурно-цивилизационном пространстве средневековья: специфика и особенности. С.5]. «Как оплоту российского влияния на Кавказе» – в этих словах ключ к пониманию идеологической важности города Дербент в общенациональных интересах России. Для того, чтобы составить идеологически правильный и полноценный экскурсионный рассказ об истории цитадели, нужно изменить общий подход к истории города Дербент, что необычайно важно и актуально. Судьба Дербента и Дагестана навсегда связана с Россией, потому история города должна освещаться в интересах России и российских дагестанских автохтонных народов. Неприемлемо и восхваление в экскурсионном рассказе бесчисленных иноземных завоевателей, якобы принёсших сюда «культуру», игнорируя при этом дагестанские автохтонные народы, действительно сыгравшие основную роль в строительстве фортификационных сооружений, а также замалчивая историю города Дербент как северной христианской столицы Кавказской Албании. Цитата из статьи А. К. Аликберова лучше всего раскрывает суть серьёзной научной проблемы относительно истории города Дербент, разворачивая тему в сторону интересов России и населяющих его уникальных народов с древней историей и культурой. «Разделенность советской академической науки на региональные научные школы, исследовавшие проблемы истории в строго определенных географических рамках своих «республик», привела к парадоксальной ситуации, когда историческое прошлое дагестанских, в том числе лезгинских, народов изучалось почти исключительно в рамках сегодняшних административных границ Дагестана. В качестве объекта исторического анализа в основном рассматривались территории, политические образования, а не народы, которые, собственно, и творили историю. Тем самым единственный исторический процесс на Восточном Кавказе искусственно разрывался на части. Возвращение к парадигме субъектности народов в истории позволяет рассматривать историю Кавказской Албании в качестве составной части истории не только азербайджанского, но прежде всего лезгинских (а в широком смысле — дагестанских) народов.» [Аликберов А. А. Там же. С.24]. Он же пишет: «Сегодня в России идет сложный процесс гармонизации различных идентичностей — этнической, религиозной, культурной, исторической и гражданской. ...Проблема гармонизации идентичностей характерна для всех постсоветских стран, находящихся в процессе все еще продолжающейся общественной трансформации. Ясно, что в первую очередь необходимо изучать историю народов вместо истории территорий, однако для гармоничного гражданского воспитания не менее важно вписывать историю народа в историю страны, в которой этот народ живет. Подобная постановка вопроса позволяет ввести в российскую историческую науку еще один тематический дискурс, до сих пор мало осознаваемый и артикулируемый. Речь идет о необходимости рассматривать историю Кавказской Албании как часть истории России, а не только Азербайджана, Армении и Грузии» [Там же. С.25-26]. История города Дербент античного периода и раннего средневековья это неотъемлемая часть истории Кавказской Албании, которую нужно преподносить в контексте истории Кавказской Албании и местных автохтонных народов. Дагестанские автохтонные народы имеют право на справедливое и честное освещение своей истории в собственной стране. Российский патриотизм предусматривает патриотизм и на уровне своего народа, республики, региона, города, села. При освещении истории великих памятников истории и культуры российских народов не должна озвучиваться никакая внешняя пропаганда. Острейшие проблемы, с которыми столкнулось российское общество на современном этапе, вызывают острую необходимость освещения истории древних городов и культурно-исторических памятников страны с позиции российского патриотизма как основы духовно-нравственного единства всех народов России. В освещении истории происхождения цитадели «Нарын-кала» должны справедливо прозвучать все имеющиеся исторические версии о происхождении крепости «Нарын-кала» и полноценно озвучиваться роль местных автохтонных народов в строительстве древней цитадели. История города Дербента – история коренных российских народов Российской Федерации, должна строиться на достоверном научно-историческом материале, полноценно раскрывающем все стороны данной темы, а по сути, содержать в себе идеологию, направленную на укрепление российской государственности.

Ключевые слова: Дербент, Дагестан, Россия, Цитадель «Нарын-кала», Дербент в новой стратегии России, Дербент в геополитике, Самый древний христианский город России, Туристический Дербент, История дербентской крепости, История города Дербент, История Кавказской Албании, Лезгинские народы, История лезгин, Дагестанские автохтонные народы, Южный Дагестан, Дербент – культурная столица Южного Дагестана, Самый древний христианский центр России, Экскурсия по музею-заповеднику «Нарын-кала», Экскурсионный рассказ об истории города Дербент, Перезагрузка истории города Дербент, Архитектурный комплекс Нарын-Кала, Дербентский государственный историко-архитектурный, Дербентский археологический музей-заповедник, Музейный комплекс посвященный истории Дербента, Музей истории мировых культур и религий, Древний Дербент, Дербент – форпост российского влияния на Кавказе, туристический Дербент, музей-заповедник «Нарын-кала», возраст Дербента, происхождение дербентской крепости, Южный Дагестан, лезгины, Чол, Чор, Чога, Каспийский проход, Каспийские Ворота, Албанские Ворота, Юго-Восточный Кавказ, Кавказ.

THE CITY OF DERBENT IN THE NEW GEOCULTURAL STRATEGY OF RUSSIA. Pashaeva Sh.Yu.

*Pashayeva Sheri Yusufovna – candidate of historical sciences, doctoral student,
Makhachkala*

Abstract: *we need new scientific and historical approaches adequate to the times. The urgent need to change the political vector when covering the history of the city of Derbent in the direction of the national interests of Russia and the Dagestan autochthonous peoples is revealed. The growth of the ideological role of the modern excursion story in the process of covering the history of the city of Derbent in the tourist segment is indicated. Speaking of geoculture, we are talking about geopolitics, built on the cultural criteria of dialogue, peace and security, distinguishing culturally «us» and «them», in connection with which priorities change. Old approaches, including scientific and historical ones, become irrelevant and become a thing of the past. A special assessment scale is being introduced into scientific circulation, which raises the question of the cultural state of the modern world, lining up between two poles. Covering history in a patriotic way is becoming a priority at the present time. The mistakes of the Soviet past one way or another have to be recognized and corrected in modern times, despite the complexity of the situation in this regard in some multinational republics. Especially there is the problem of long-term and sustainable disregard for the national interests of the Dagestan autochthonous peoples of Southern Dagestan when covering the history of Caucasian Albania and one of the most ancient cities - the city of Derbent. The city of Derbent is the cultural capital of Southern Dagestan and the center of the geocultural space of the Dagestan autochthonous peoples, in particular, the Lezgin peoples. The outstanding Russian orientalist Alikberov A.K. in this regard, for example, writes that “recognizing the Caucasian Albanians as East Caucasian tribes close in origin and language, many researchers, however, today try to avoid even mentioning the Lezgin or Dagestan peoples in general, hush up their ethnic, ethno-cultural involvement» [Albania Caucasia: Collection of articles. - Issue I / foreword, prepared by A.K. Alikberov, M.S. Gadzhiev / Russian academy. Sciences. Institute of Oriental Studies. Dagestan Scientific Center. Institute of History, archeology and ethnography, Institute of Oriental Studies RAS, 2015, p. 22]. In the DSC RAS, to a greater extent, the habit of following instructions from the outside in the interests of the neighboring Transcaucasian republic has been going on since the Soviet era and has already become entrenched in the post-Soviet era. But it's time for a change. This state of affairs in relation to the history of Southern Dagestan and the city of Derbent not only cannot continue, but becomes destructive, contrary to the national interests of the republic and the country. At present, especially in connection with all the global geopolitical shifts taking place in the world, the question arises of a qualitative reset of the policy regarding the coverage of the history of the ancient city of Russia - the city of Derbent - towards the interests of Russia and the national cultures of the Dagestan autochthonous peoples. It is necessary to clarify the scientific priorities in this direction, to recognize the serious distortions in the officially approved (Sasanian) version of the history of Derbent, which have passed into the information support of the excursions of the Naryn-Kala Museum-Reserve in the Republic of Dagestan, and from here are distributed throughout Russia. The city of Derbent has become a place of mass domestic Russian tourism. In this connection, the political and ideological role of the excursion story increases on the territory of the Naryn-Kala Museum-Reserve and the entire information field of the republic. As a result of the analysis of the information background that has developed around the history of the city of Derbent, it turned out that the history of the fortress and the city in the republic is covered extremely one-sidedly. A Russian tourist does not receive a high-quality, full-fledged historical information about the city of Derbent, does not recognize alternative historical versions of the history of the origin of the Naryn-Kala fortress, and most importantly, the role of local Dagestan autochthonous peoples in its construction in the past is absolutely not covered. Today we have a situation when in the official excursion stories of the museum-reserve «Naryn-kala» all other versions of the origin of the fortress, except for the Sasanian one, are hushed up. More specifically, it is hushed up: the ancient period of the history of the city of Derbent as part of Caucasian Albania; the Christian history of the city and the fact that ancient structures were located on the territory of the citadel, which archaeologists involved in their discovery and research consider to be monuments of the earliest Christianity in Russia; the fact of conflicting information sources regarding the history of the origin of the fortress; the inability to explain the name of the citadel «Naryn-kala»; lack of evidence,*

controversy and conventionality of the date of Derbent's age officially approved in 2012; the historical role of the autochthonous peoples of Southern Dagestan in the history of the fortress "Naryn-kala" and the city of Derbent. The problem lies more in the Dagestan historiography itself, which in Soviet times set a certain political vector in this regard, which new generations of historians adhere to, and the Naryn-Kala Museum-Reserve conducts a given vector already in the format of presenting the history of the city of Derbent in the tourist segment, from which one-sided information is disseminated throughout the country. There is also a large knot of contradictions regarding the officially approved in 2012 anniversary date of the city of Derbent, expressed in the scientific controversy of two well-known main opponents. But scientific disputes remain beyond the understanding of an ordinary Russian tourist who comes to see antiquities and wants to receive full information about a historical object. Despite all the opposition from supporters of the officially approved date, historical and archaeological research continues, the final point on identifying the age of the city has not been set. Healthy scientific controversy is what is lacking in the topic of Derbent's age. In the subject there is a powerful foreign policy influence. The neighboring Transcaucasian republic, which is not interested in revealing the historical role of the Dagestan autochthonous peoples in the construction of the ancient citadel, is popularizing its own version in its national interests, which, through its scientific lobby, has been imposed on the DSC RAS. Modern national interests of the state dictate changes in historical approaches. To continue to present the history of the city of Derbent in the interests of someone else's ideology to the detriment of the interests of the Dagestan autochthonous peoples becomes unacceptable. A reboot is needed in this regard. The ideological importance of the city of Derbent is underestimated and it needs to be worked on. Even Peter the Great paid attention to the city of Derbent not just as a military-strategic and economic center, but more importantly, as an ideological outpost of Russia in the Caucasus. «The Emperor attached great importance to Derbent as a stronghold of Russian influence in the Caucasus...» [Inozemtseva E.I. *Derbent in the cultural and civilizational space of the Middle Ages: specificity and peculiarities. C.5.*]. «As a stronghold of Russian influence in the Caucasus» – in these words is the key to understanding the ideological importance of the city of Derbent in the national interests of Russia. In order to compose an ideologically correct and complete excursion story about the history of the citadel, it is necessary to change the general approach to the history of the city of Derbent, which is extremely important and relevant. The fate of Derbent and Dagestan is forever connected with Russia, therefore the history of the city should be covered in the interests of Russia and the Russian Dagestan autochthonous peoples. It is also unacceptable to glorify in the excursion story the countless foreign conquerors who allegedly brought "culture" here, while ignoring the Dagestan autochthonous peoples, who really played the main role in the construction of fortifications, and also hushing up the history of the city of Derbent as the northern Christian capital of Caucasian Albania. A quote from an article by Alikberov A.K. best of all reveals the essence of a serious scientific problem regarding the history of the city of Derbent, turning the topic towards the interests of Russia and the unique peoples inhabiting it with ancient history and culture. «The division of Soviet academic science into regional scientific schools that studied the problems of history within the strictly defined geographical framework of their «republics» led to a paradoxical situation when the historical past of the Dagestan, including the Lezghin, peoples was studied almost exclusively within the current administrative boundaries of Dagestan. As an object of historical analysis, territories, political formations, and not peoples, who, in fact, made history, were mainly considered. Thus, a single historical process in the Eastern Caucasus was artificially torn apart. The return to the paradigm of the subjectivity of peoples in history allows us to consider the history of Caucasian Albania as an integral part of the history of not only the Azerbaijani, but above all the Lezgin (and in a broad sense, Dagestan) peoples». [Alikberov A. A. *Ibid.* S.24]. He writes: «Today in Russia there is a complex process of harmonization of various identities - ethnic, religious, cultural, historical and civil. ... The problem of harmonization of identities is characteristic of all post-Soviet countries that are in the process of still ongoing social transformation. It is clear that in the first place it is necessary to study the history of peoples instead of the history of territories, but for harmonious civic education it is equally important to inscribe the history of the people in the history of the country in which this people lives. Such a formulation of the question allows us to introduce another thematic discourse into Russian historical science, which is still little understood and articulated. We are talking about the need to consider the history of Caucasian Albania as part of the history of Russia, and not just Azerbaijan, Armenia and Georgia» [Ibid. S.25-26]. The history of the city of Derbent of the ancient period, the early Middle Ages is an integral part of the history of Caucasian Albania, which must be presented in the context of the history of Caucasian Albania and local autochthonous peoples. Dagestan autochthonous peoples have the right to fair and honest coverage of their history in their own country. Russian patriotism provides for patriotism at the level of its people, republic, region, city, village. When covering the history of the great monuments of history and culture of the Russian peoples, no external propaganda should be voiced. The most acute problems faced by Russian society at the present stage cause an urgent need to cover the history of ancient cities and cultural and historical monuments of the country from the position of Russian patriotism as the basis of the spiritual and moral unity of all the peoples of Russia. In covering the history of the origin of the Naryn-Kala citadel, all available historical versions about the origin of the Naryn-Kala fortress should be fairly voiced and the role of local autochthonous peoples in the construction of the ancient citadel should be fully voiced. The history of the city of Derbent - the history of the indigenous Russian peoples of the Russian Federation, should be based on reliable scientific and historical material that fully reveals all aspects of this topic, and in fact, contain an ideology aimed at strengthening the Russian statehood.

Keywords: *Derbent, Dagestan, Russia, Naryn-Kala Citadel, Derbent in the new strategy of Russia, Derbent in geopolitics, The most ancient Christian city in Russia, Tourist Derbent, History of the Derbent fortress, History of the city of Derbent, History of Caucasian Albania, Lezgi peoples, History of the Lezgins, Dagestan autochthonous peoples, Southern Dagestan, Derbent - the cultural capital of Southern Dagestan, The most ancient Christian center of Russia, Excursion to the museum-reserve "Naryn-kala", Excursion story about the history of the city of Derbent, Reloading the history of the city of Derbent, Architectural complex Naryn- Cala, Derbent State Historical and Architectural Museum, Derbent Archaeological Museum-Reserve, Museum complex dedicated to the history of Derbent, Museum of the History of World Cultures and Religions, Ancient Derbent, Derbent - an outpost of Russian influence in the Caucasus, touristic Derbent, Naryn-Kala Museum-Reserve, the age of Derbent , the origin of the Derbent fortress, Southern Dagestan, Lezgins, Chol, Chor, Choga, the Caspian passage, the Caspian Gates, the Albanian Gates, the South-Eastern Caucasus, the Caucasus.*

Министерством культуры РФ в настоящее время разрабатывается **геокультурная стратегия**, основанная на идее сохранения этнокультурного многообразия мира и традиционного культурного наследия народов мира, как внутри страны, так и извне. В данной стратегии на первое место выходит устойчивая этническая идентичность и интересы российских народов в сохранении и развитии всех местных уникальных культур. «В современных условиях в политическом споре выигрывает тот, чья идентичность оказывается более устойчивой. Кризис идентичности ведет к утрате геополитических позиций» [Устинкин С. В., Рудаков А.В. Идентичность – объект современного глобального противоборства//Обозреватель – Observer. 2017. №9. С. 60]. Сохранение этнической идентичности является актуальной для автохтонных народов Кавказа, особенно для политически разделённых народов, стремительно теряющих своё этническую уникальность вследствие ассимиляционных процессов, запущенных ещё в советское время в ущерб сохранению традиционного многообразия культур и народов. Особенностью современного периода является повышение интереса к объектам всемирного культурного наследия внутри страны. В условиях системного гуманитарного кризиса, культура России может осуществить свою спасительную миссию, представив традиционную универсальную модель развития, которая в гораздо большей степени соответствует интересам национальных культур страны и всего мира – исторической памяти, традиционности и вере – нежели теория глобализации всего человечества, подразумевающая отказ от культурно-этнического многообразия, естественно заданной самой природой развития человечества. Культурное многообразие – это естественное состояние Дагестана с древнейших времён по сей день. Ярким образцом дагестанского культурного многообразия является город Дербент.

На данный момент стоит необходимость развернуть историческое освещение истории самого древнего города России в сторону национальных интересов России и коренных российских народов, отказавшись от сложившегося в советском и постсоветском прошлом клише в отношении связывания истории города исключительно только с восточными правителями, приходившими в город в разные моменты истории. К сожалению, в дагестанской историографии укоренилось стойкое нежелание освещать историю происхождения древнего Дербента в контексте античной истории Кавказской Албании, частью истории которой город являлся вплоть до арабского нашествия. История Дербента упорно освещается исключительно только с эпохи Сасанидов. При этом полностью исключаются из истории Дербента местные дагестанские автохтонные народы, сводя историю города, строительство стен и крепости единственно только к восточным правителям и их армиям, что является серьёзной ошибкой. Нежелание связывать историю Кавказской Албании с городом Дербент и местными дагестанскими автохтонными народами является большой проблемой российской исторической науки на сей день. В первую очередь, это связано с острым нежеланием связки дагестанских автохтонных горских народов с историей Кавказской Албании как прямых наследников кавказских албан, потомками которых они на самом деле являются, со стороны Грузии и Азербайджана, влияющих через своё многочисленное лобби в Российской Федерации на освещение истории Кавказской Албании в российской исторической науке таким образом, каким выгодно этим двум странам, но не самой России. Привязка к односторонней сасанидской версии, исключая любые иные, полностью укладывается в подачу истории города Дербент в соседней закавказской республики, в которой ещё с советского времени всеми способами город Дербент, как и территория Южного Дагестана, представляется «исторической территорией Азербайджана», а строительство грандиозных фортификационных сооружений вдоль каспийского побережья в V-VI вв. относят к сасанидским царям Йездигерду II (438-457), Перозу (459-484), Каваду (488-531) и Хосрову I Ануширвану (531-579). Правда допускается, что северная дербентская стена могла быть воздвигнута до прихода сюда Сасанидов древнейшим аборигенным здешних мест – племенами каспиев – являющиеся предками кавказских албан [Ахундов Д.А. Архитектура древнего и средневекового Азербайджана. Баку, 1986]. Но при этом сами кавказские албаны, как и каспии, объявляются потомками древних тюрков, то есть никакой связи между ними и горскими автохтонными народами Дагестана ни в каком плане не допускается. Вот какова истинная подоплёка сасанидской версии: в ней нет места местным дагестанским автохтонным народам вообще. И эту одностороннюю сасанидскую версию происхождения цитадели активно продвигают по всей туристической России.

Сложно не усмотреть здесь внешней идеологической пропаганды. Удивляет нежелание связывать генезис дагестанских автохтонных народов с кавказскими албанами в определённых кругах в исторической науке

самой России, давая тем самым утвердиться сомнительной версии тюркского происхождения кавказских албан. Аликберов А.К. в связи с этим, например, пишет, что «признавая кавказских албан близкими по происхождению и языку восточнокавказскими племенами, многие исследователи, тем не менее, стараются сегодня избегать даже упоминания о лезгинских или в целом дагестанских народах, замалчивать их этническую, этнокультурную сопричастность.» [Albania Caucasica: Сб. статей. — Вып. I / предисл., подгот. А.К. Аликберов, М.С. Гаджиев / Российская акад. наук. Ин-т востоковедения. Дагестанский науч. центр. Ин-т истории, археологии и этнографии. — Институт востоковедения РАН, 2015, С. 22]. Дагестанский научный центр в большей степени, чем какой-либо иной научный центр РАН, подвержен внешнему влиянию в этом отношении и устоявшейся с советского времени привычке следовать внешним установкам в интересах соседней закавказской республики. ДНЦ РАН нужна серьёзная перезагрузка в этом отношении.

У города Дербент богатая история, полная загадок, в которой смешались сведения из большого количества древних и средневековых письменных источников, зачастую противоречащих друг другу. На сей день нет доказанной и бесспорно точной версии происхождения крепости, как и не установлен его подлинный возраст. Посему ответственный историк будет крайне осторожно относиться ко всем имеющимся сведениям о городе Дербент, а тем более не станет опираться только на одну из них при освещении истории города. При экскурсионном рассказе более правильным представляется озвучивание нескольких основных версий происхождения крепости, наиболее распространённых в источниках, а также озвучивание двух полярно противоположных позиций археологов А.А. Абакарова и М.С. Гаджиева. Российскому туристу следует знать правду об условности и спорности текущего официально принятого возраста в 2000 лет, официально приписываемого с 2012 года городу Дербент, а также об условности и спорности сасанидской версии основания крепости. Два руководителя Дербентской археологической экспедиции – Александр Кудрявцев и Муртазали Гаджиев – придерживаются разных точек зрения, каждый считает мнение другого фальшивым. По мнению проф. А. Кудрявцева, более 25 лет руководившего археологическими раскопками, история Дербента начинается с поселения возрастом 5000 тысяч лет, которое раскопали внутри цитадели Нарын-Кала. «Двухтысячелетний юбилей – это политическое решение, поскольку в президиуме РАН при определении возраста решение принимали ученые, но они не были специалистами по Дербенту. Заключение было вынесено на основании мнения специалистов по средневековым русским городам, специалистов по каменному веку и других ученых, при обсуждении возраста Дербента учеными Дагестанского научного центра и РАН был выкинут целый пласт истории города – это ранняя бронза»; «Период средней бронзы слабо прослеживается. Для этого нужно проводить раскопки. Какие-то фрагменты керамики есть, отдельные предметы. Но проблема в том, что этот культурный слой копали мало. А Муртазали Гаджиев вообще его не раскапывал. На заседании при обсуждении возраста Дербента, учёные мне ответили, что ничего нового они не раскопали, а пользуемся моими материалами. В свою очередь, я им рекомендовал более аргументировано пользоваться этими материалами. Эпоха средней бронзы очень смутная, но эпоха поздней бронзы, эпоха раннего железа в истории города представлены хорошо. Это 9-8 века до нашей эры», - отрывки из интервью Александра Кудрявцева, декана исторического факультета Ставропольского государственного университета [[Электронный ресурс]. Режим доступа: «Дагестанский эксперт: История Дербента уходит своими корнями к поселению 5-тысячелетней давности» <https://regnum.ru/news/1597577>]. Таким образом, прослеживается расхождение по дате, истории происхождения крепости и по многим иным моментам между двумя авторитетными археологами, каждый из которых имеет свою аудиторию и группу поддержки. Помимо этого, существует и народное мнение, основывающееся на глубоком искреннем убеждении в том, что городу Дербент в действительности более пяти тысяч лет. Естественно, что, Александр Кудрявцев получает всенародную поддержку в Южном Дагестане, население которого не без оснований считает, что в 2012 году имело место, умышленное искажение возраста города Дербент по политическому заказу со стороны бывшего главы Республики Дагестан Р.Г. Абдулатипова, известного своей бескомпромиссной националистической позицией в отношении города Дербент. Общественность Южного Дагестана в курсе того, как Р. Г. Абдулатипов отказался от беспрецедентно выгодного предложения А. Хлопонина присвоить городу Дербент особый универсальный федеральный статус на совещании в Дербенте в сентябре 2015 года, который дал б городу серьёзные возможности для всестороннего развития, изучение и сохранение его культурно-исторического наследия, и создание современной инфраструктуры, как для туристов, так и для местных жителей [[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://riaderbent.ru/nash-otvet-aleksandru-hloponinu-derbentu-pridatut-osobyuy-status.html>; Смотрите видео данного совещания с 25 минуты на ютуб: https://www.youtube.com/watch?v=q_4bE4BQTDQ&t=1693s]. Отказ от такого предложения демонстрирует истинное отношение бывшего руководителя республики к городу Дербент и к Южному Дагестану в целом, что не добавляет в народе доверия к происшедшему умалению возраста города Дербент, которое случилось именно при Р.Г. Абдулатипове. Тот факт, что, к сожалению, действительно в отношении города Дербент и ныне имеет место завуалированный национализм, проявляющийся в стойком нежелании развития и процветания города, в создании надуманных препятствий возможности придания городу особого статуса для улучшения его положения как туристического центра юга России, со стороны определённых кругов политического истеблишмента республики, связанных с бывшим руководством, ни для кого в Дагестане не секрет. Поэтому не столь и неправы те, кто узрели прямое влияние Р.Г. Абдулатипова на принятое в ДНЦ

РАН решение относительно юбилейных дат 1750 и 2000 вместо 5000, так как такое влияние, судя по всему, имело место быть. Скорее всего, такое влияние имело место быть, чем не быть.

Можно ли, зная всем эти спорные научные моменты, существование противоположной научной точки зрения, масштаб политизированности всей темы города Дербент, считать бесспорной истиной официально принятую в 2012 году дату возраста города Дербент и повсеместно проводить его в экскурсионных рассказах в информационном поле страны или имеет всё же смысл более осторожно относиться к любым утверждениям в этом отношении? Не правильнее ли рассматривать разные версии происхождения цитадели, хотя бы две основные существующие научные версии, рассчитывая на продолжение археологических исследований в будущем для дальнейшего прояснения возраста древнейшего города России, учитывая недоказанность, спорность и условность официально принятой даты? Разве не правильнее будет, если российский турист будет иметь возможность сделать собственный вывод, выслушав развёрнутый исторический рассказ с освещением основных научно-исторических версий происхождения крепости, нежели станет невольной жертвой пропаганды односторонней версии, настойчиво проводимой в российский туристический сегмент?

Что важно знать российскому туристу о городе Дербент?

Несмотря на условность всех имеющихся на данное время версий происхождения крепости «Нарын-кала», всё же существуют некоторые подтверждённые исторические факты на основе письменных источников, о которых стоит знать каждому российскому туристу, интересующемуся подлинной историей города Дербент. Давайте рассмотрим некоторые факты, которые не упоминаются в экскурсионных рассказах, но которые важно знать.

Большинством историков считается, что поселения на территории крепости «Нарын-кала» возникли еще в эпоху ранней бронзы (IV тысячелетие до н. э.). Академик Иван Мещанинов полагал, что первое упоминание в мировой истории о крепости встречается в клинописной урартской надписи в VIII веке до н.э.: «Сардури (царь Урарту) говорит: «Я отправился, выступил я в поход на страну Мана, страну я завоевал, города сжег и разрушил, страну я разорил; мужчин и женщин угнал в страну Биайнили. Цитадель города Дарбани, укрепленную в бою, я завоевал, эту страну к моей стране я присоединил». Упоминание крепости у древнегреческих географов Гекатея Милетского (VI в. до н.э.) и Хареса Мителенского (IV в. до н.э.) встречается в рассказе о событиях VIII–VII вв. до н. э, которые приводят наиболее древнее название города: «Каспийские ворота». Этим названием город обязан своему географическому положению – он растянулся вдоль береговой полосы Каспийского моря – там, где горы Кавказа ближе всего подходят к Каспийскому морю, оставляя лишь трёхкилометровую полосу. Также город был известен в древнегреческих и римских источниках под названием «Каспийский проход», «Каспийские валы», в армянских и грузинских источниках как «Ворота Чога», «город Чога», «Чор», «Чол». Римская империя стремилась укрепиться на западном побережье Каспия, входившем в состав Кавказской Албании, с чем были связаны походы римских полководцев Лукулла, Помпея, Антония для установления военно-стратегических и экономических связей с Центральной Азией в обход Парфии. Потому огромное стратегическое значение имели «Каспийские ворота», служившие важным сегментом Великого Шелкового пути (II в до н.э. – XVI в. н. э). В течение I в. до н.э. – II в. н.э. римляне предприняли ряд попыток достичь побережья Каспийского моря, укрепившись в «Caspia portae» или же «Caspia claustra» (Тацит). В 68 г. император Нерон подготовил грандиозный поход, но, как отмечается в античных источниках, «Нерон не поплыл к Каспийским воротам», и войска, отправленные туда для «войны с албанами», он «вернул с дороги для подавления вспыхнувшего восстания Виндекса» (Прим.: римского наместника в Галлии) [Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М.: Наука, 1982, с. 52].

Обращаем внимание, что в самих персидских источниках III–IV в.в. н.э. впервые Дербент упоминается под названием «Албанские ворота» (Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969. С. 87–88; Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972. С. 295.). То есть до прихода Сасанидов и переустройства стен, сами персы использовали иное название города, а название «Дару банд» вообще не существовало ещё. Под названием «Албанские ворота» город указан на карте Птолемея задолго до появления названия «Дару банд».

У албанской (досасанидской) версии происхождения города есть серьёзные сторонники в российской исторической науке, которые пишут о Дербенте как «о первом в Дагестане древнеалбанском городе (I в. до н.э. – IV в. н.э.)», который возник на базе первого поселения эпохи ранней бронзы (конец IV – III тыс. до н.э.), совпадающего с ним территориально и в едином историческом пространстве [Дудайти А.К. Бетева М.М. Историческое место и роль города Дербента в российской и мировой истории. Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 2. ISSN 0321–305].

Археологические раскопки выявили, что древнейшее поселение на этом месте возникло в раннем бронзовом веке, в конце IV – начале III тыс. до н.э., то есть более 5000 лет назад. По мнению академика В. В. Бартольда, который на основании сопоставления данных Геродота и ал-Истахри о ширине Каспия считал, что как в дохристианское время, как и в средние века, самым важным пунктом на западном побережье Каспийского моря был город Дербент.

Относительно названия «Нарын-кала», о которой часто воплощают туристы, то откуда возникло это название крепости до сих пор не выяснено. Есть мнение о позднем привнесённом характере этого названия. По этому поводу дагестанский исследователь Б. Эскендеров в статье «Почему «Нарын-кала»?» писал: «История древнего Дербента таит в себе много тайн и загадок. Его возникновение, его роль в истории, его подлинное название обложены сомнительными гипотезами как печально известная реконструкция его

крепостных стен сверкающими от белизны плитами из ближайшего карьера. Не только назначенный ему возраст, не только его статус в прошлом, но даже и название его цитадели «Нарын-кала» имеют очень туманное происхождение. ... Очень немногие знают, что название «Нарын-кала» появилось в историографии Дагестана лишь XVIII веке. До этого времени такого названия никто и никогда не слышал. Существуют подробные описания Дербента и его крепости, составленные путешественниками разных эпох, но ни в одном из них вплоть XIX века не упоминается это название. И наконец, никто не знает, что это странное название означает.» [[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lezgigazet.ru/archives/226401>. Материал в переводе на лезгинский язык опубликован в «Лезги газет» №24 от 17 июня 2021 г.].

Далее исследователь пишет: «Первый полный перевод «Дербент-наме» был опубликован на английском в 1851 году Мирза Казем-Бекком в Петербурге. Но название «Нарын-кала» в этом тексте отсутствует. Кроме переведенного Казем-Бекком с тюркского, слов «Нарын-кала» нет и в списке, переведенном Шихсаидовым с арабского. Нет его и в отрывке, принадлежавшем Даниял-султану Елисуйскому, хотя это та часть, где содержатся географические сведения о раннесредневековом Дагестане; именно в этой части в некоторых списках встречается название «Нарын-кала». Звучит невероятно, но далеко не все списки «Дербент-Наме» содержат название «Нарын-кала». По имеющимся у нас сведениям нет его даже и в самом раннем списке, переведенным Кантемиром на латынь». Таким образом, название «Нарын-кала», условно принятое название крепости в современное время, не имеющее объяснения. По этому поводу дагестанский лингвист Ф. Нагиев выдвигает свою версию перевода «нарын» от слова «нерен» (лезг. «заграждение»), которая вместе со словом «кала» переводится с лезгинского языка как «заградительная крепость» [Нагиев Ф. Термины родства у лезгин. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/10796833/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D1%8B_%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D1%83_%D0%BB%D0%B5%D0%B7%D0%B3%D0%B8%D0%BD]. На данный момент действительно ещё не выявлены письменные источники, в которых название «Нарын-кала» упоминается ранее XIX века, что свидетельствует о позднем привнесённом характере названия. Чтобы приблизиться к разгадке строительства крепостной стены, имеет смысл отталкиваться от самой первой даты упоминания стены в письменных источниках, кем в действительности мог быть основан город, основание которой определёнными узкими научными кругами упорно приписывается Хосрову I Ануширвану в ущерб объективной истории. На сей день нет ни одного подтверждения точности данной версии, основанной всего лишь на предположениях.

Из источников следует, что крепость с оборонительной стеной появилась на вершине холма в конце VIII в. до н.э. (733 г. до н.э.). «В это время здесь был основан мощный укрепленный пункт, который существовал и развивался, господствуя над проходом, вплоть до сасанидского проникновения [тысячу лет спустя] и возведения иранцами тут нового типа оборонительных сооружений, частично воспринявших планировку древних укреплений Дербента. Этот мощный опорный пункт возник на базе поселения предскифского времени, сменившего здесь в IX–VIII вв. до н.э. более древнее поселение бронзового века» [Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М.: Наука, 1982. С. 30-36.]. Из чего следует, что в конце VIII в. до н.э. крепость с оборонительной стеной уже существовала и контролировала узкий проход между Каспийским морем на «Великом шелковом пути», связывавшем Европу с Азией, страны Европы с Закавказьем и Передней Азией, и потому неоднократно подвергалась нападкам разного рода пришельцев. На основании анализа сведений древних письменных источников и археологического материала М.И. Артамонов и А.А. Кудрявцев установили, что под названиями Гелда/Чол/Чор/Чога в античных источниках подразумевается Дербент [Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 119-122].

По мнению А.А. Кудрявцева в истории возникновения и развития Дербента досасанидского периода следует выделить три основных этапа его становления в древности. Первый этап – появление на вершине дербентского холма самого раннего поселения эпохи бронзы и дальнейшее его развитие (конец IV – III тыс. до н.э.). Второй – возникновение и развитие на базе территории поселений бронзового века крупной поселенческой структуры и мощной крепости с каменными стенами эпохи раннего железа (рубеж VIII – VII до н.э. – I в. до н.э.). Третий этап – превращение поселения эпохи раннего железа в древнеалбанский город (I в. до н.э. – IV н.э.). Этот город А.А. Кудрявцев отождествляет с самым древним городом Кавказской Албании – Гелдой [Кудрявцев А.А. Дербент – древнейший город России. Махачкала, 2015]. Древние стены крепости не раз разрушались и вновь отстраивались, подвергаясь нападению и осадам киммерийцев и скифов (VIII – VII вв. до н.э.), сарматов-аорсов (III в. до н.э.) и массагетов-аланов (I в. до н.э.), аваро-гуннов (IV в.), иранцев-сасанидов (V-VI вв.), хазар (VI в.), арабов (VII – X вв.), тюрков-огузов (в нач. XII в.), монголо-татар (в нач. XIII в.) и др.

Римский след в истории города Дербент неправомерно отвергался в советское и постсоветское время. Предположение о возможном существовании крепости в Каспийском проходе в римское время высказывала К.В. Тревер, которая опиралась на сообщение римского историка Корнелия Тацита о крупном походе, подготовленном императором Нероном к «Каспийским Воротам». Догадка эта подтвердилась значительно позднее раскопками А.А. Кудрявцева. Но по неизвестной причине не была поддержана большинством кавказоведов и почему-то упорно не бралась в расчет при изучении истории Дербента. Поистине громадный труд А.А. Кудрявцева по исследованию обширного письменного наследия, посвященного истории крепости древнего и средневекового периода города Дербент, включающих «древнеиранский эпос, местные легенды и

предания, сведения античных писателей, и обширные материалы сообщений арабских, персидских, сирийских, византийских, кавказских авторов, данные дагестанских исторических хроник, а также многочисленные эпиграфические надписи на стенах города и отдельных памятниках архитектуры», только подтверждает предположение о существовании города в римское время [Дудайти А. К. Бетева М. М. Историческое место и роль города Дербента в российской и мировой истории. Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 2. ISSN 0321–3056]. Исследовав пласт древнегреческих, римских, арабских, сирийских, византийских, армянских, албанских, грузинских, дагестанских источников, А.А. Кудрявцев нашел в них реальные данные о более ранних, досасанидских этапах истории Дербента.

В «Истории католикоса Вироа» Мовсес Каланкатуаци (в ранних источниках Дасхуранци, Каганкатваци) Дербент упоминается под названием Чор: «Но он /правитель и князь Албании Гайшак/ с тревогой следил и видел, что произошло с большим /укрепленным/ городом Чора...» [Каланкатуаци Мовсес. История страны Алуанк. (в 3-х книгах). II, 11; /Пер.с др.арм. Ш.В.Смбатяна/. Ереван, 1984. С. 78, 135]. Здесь также письменное свидетельство исторического факта, что Дербент (Чор/Чол/Цол) является северной столицей Кавказской Албании.

До прихода Сасанидов в Дагестан крепость была известна под своим автохтонным названием Чол (Цол) «Стена» и в различных вариантах («Чол», «Чор» «Чога» и т.д) встречается в грузинских и армянских источниках. Наиболее раннее название Дербента в античных источниках - «Гелда». Есть мнение, что все названия относительно Дербента и окружающей его местности в греко-римских, грузинских, армянских, персидских, арабских, тюркских источниках имели местное происхождение и изменялись в зависимости от того произношения, которое было свойственно этим языкам. Его выдвинул лингвист Ф. Нагиев, пришедший к выводу, что «...некоторые из них: Жалгъа /Джалган (шарнир, замок), Келе (крепость), Нерен келе (заградительная крепость), Цал (стена), Вар или Варар (врата), Каспид варар (Каспийские ворота), Чула (в пояске) и др. Все эти названия изначально сложились на языках местных народов, а именно на языках албан...». Он также отмечает, что «Арабские источники буквально калькируют местные лезгинские названия: Цал (Стена), Вар (Одни ворота), Варар (Врата: Баб эль-Абваб (главные ворота, ворота ворот), Баб эль-Хадид (железные ворота), Баб Албан (Албанские ворота), Сед Албан (Албанские стены), а иногда просто ал-Баб (ворота).» [Там же].

Действительно, Клавдий Птоломей (II в.н.э.) на своих картах в этом районе отмечает крепость Гелда. О существовании на месте Дербента раннесредневекового города свидетельствуют данные пехлевийских (среднеперсидских), арабских, албанских, армянских, грузинских, сирийских, византийских источников и местных исторических хроник, а также внушительный археологический материал из культурных слоев Дербента позднеалбанского (позднеантичного) и раннесредневекового времени, по которым были установлены основные важнейшие периоды становления раннесредневекового города. При исследовании культурных слоев Дербента албанского времени А.А. Кудрявцевым сделан важный вывод о превращении мощной крепости и поселения раннежелезного века на дербентском холме в первый древнедагестанский город, который автор отождествляет с албанским городом Гелда, указанным на побережье Каспийского моря на карте античного географа Птолемея (II в. н.э.). Сюда, считает А.А. Кудрявцев, готовил свой крупный поход император Нерон, собиравшийся установить римский контроль, как писал Тацит, над «Каспийскими укреплениями».

В византийских источниках крепость именуется «укрепление Тзор» (Тзур, Цур). Древние источники, Елише, Мовсэс Хоренаци, Агатангелос (V в.), а также Себэос, «Ашхарацуйц», Левонд и др. упоминают «стену Чора» (или Чолай), «ворота Чора», «сторону Чора». Важно отметить, что современное название «Дербент» (Дарбанд, Дербенд) появилось только с сер.VI в., когда началась реконструкция стен города при Хосрове I Ануширване. Оно встречается в пехлевийских надписях этого времени, высеченных на стенах крепости. В переводе с персидского оно означает «запертые ворота» или «ворота на запоре». Начиная с VII века это название встречается в письменных источниках других народов, в которых постепенно вытесняет его прежнее автохтонное название, например в «Географии» Анания Ширакаци [Патканов К.П. Из нового списка «Географии», приписываемой Моисею Хоренскому». ЖМНП, 1883, март, С. 30].

Советские археологические раскопки в районе крепости показали, что Сасаниды имели отношение к укреплению и реконструкции уже имевшегося здесь укрепления, но отнюдь не к его первоначальному сооружению. Античный период истории крепости длился вплоть до IV в. н.э., пока ее не захватила Сасанидская Персия. Самые ранние стены были возведены из сырцового кирпича местного производства. Свидетельство об этом было найдено при советских раскопках начала 1970-го года, когда была обнаружена самая нижняя длинная стена из сырцового кирпича 438-450 гг. правления албанского царя Ваче II. Она была обнаружена и исследована в 1973–1979 гг. Дербентской археологической экспедицией Дагестанского филиала АН СССР (позднее — Дагестанского научного центра (ДНЦ) РАН) под руководством Кудрявцева А.А. [Кудрявцев А.А. Раскопки в цитадели древнего Дербента // Археологические открытия. 1973. М., 1974. С. 115.]. Было установлено, что сырцовая стена V в., как и каменная VI в., тянулась от цитадели на вершине дербентского холма и доходила до моря, перекрывая весь Дербентский проход. В процессе раскопок удалось установить, что каменная фортификация Дербента строилась в четыре этапа: 1) цитадель и северная стена города; 2) южная стена города; 3) форты Горной стены (Даг Бары); 4) куртины Горной стены, которая

тянулась, как показали исследования, на 50 км в горы (Прим. Ш.П.: «куртина» устарелое слово - в старину: часть крепостного вала между бастионами).

Впечатление от официальных экскурсионных рассказов гидов музея-заповедника «Нарын-кала» складывается такое, словно Сасаниды пришли с миром в этот регион и на собственные средства трудом персидских воинов построили мощную оборонительную стену. В действительности приход Сасанидов в Дербент (Гелда/Чог/Чол/Цол) был отнюдь не мирным, а сопровождался длительными войнами Сасанидов с Кавказской Албанией и восстаниями местных народов против персов. «На основании известной «Накш-и Рустамской» надписи Картира на «Ка'бе Зороастра» и материалов археологических раскопок А.А. Кудрявцев делает важный вывод о первом проникновении Сасанидов в район дербентских ворот и разрушении ими существовавшего здесь древнеалбанского города Гелда в 258–260 гг.» [Дудайги А.К. Бетева М.М. Историческое место и роль города Дербента в российской и мировой истории. Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 2. ISSN 0321–3056]. Эти же исследователи пишут, что А.А. Кудрявцев «...связывает это проникновение с упоминаемым в «Накш-и Рустамской» надписи походом сасанидского царя Шапура I на Восточный Кавказ и к «Албанским воротам», т.е. Дербентскому проходу, через который в разгар борьбы кавказских Ашакидов (парфянская династия) с Сасанидами против персов были пропущены кочевники Северного Кавказа и Прикаспия, разорившие многие провинции Ирана».

Таким образом, утверждению власти Сасанидов в древнеалбанском городе-крепости предшествовала длительная кровопролитная война Кавказкой Албании с Сасанидами в правлении албанского царя Ваче II, возмущённого навязыванием христианам «учения магов», зороастризма, со стороны персов. Албанский царь категорически отвергал зороастризм и придерживался христианского Единобожия. Военное вторжение Сасанидов в Кавказскую Албанию привело к тому, что после тяжёлых сражений с превосходящими силами персов, Ваче II отвёл остатки албанских войск на север страны и укрепился в крепости «Чога» (Чол/Цол). Он дважды отказался от ультиматума Сасанидов принять зороастризм. Заручившись поддержкой местного христианского населения, в частности, одиннадцати горских вождей, Ваче II поднимает народ против персов и наносит им жестокое поражение. Но персы не отступали. Как пишет Кудрявцев А. А.: «Многочисленные попытки Пероза договориться с Ваче II не увенчались успехом, но длительная война с албанами, для которой Сасаниды привлекли северо-кавказских хонов (Прим.Ш.П.: «хонны» - гунны), заплатив их вождям огромные суммы, принесла большие разрушения и опустошения в Кавказской Албании, не поколебав, однако, стойкость христианского населения страны и его царя Ваче II, отстаивающих свою веру.» [Кудрявцев А.А. Древний Дербент в истории раннехристианского мира //Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т.67. Вып.3. С.910–929. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.31>]. «Представляется вероятным, что в начале 60-х гг. V в. вслед за албанским царем, начавшим ожесточенную борьбу с сасанидским Ираном под знаменами защиты христианства, Чога стал местом пребывания и для главы христианской Церкви Албании» [Кудрявцев А.А. Там же].

Новое восстание народов Кавказа против персов произошло в 483–484гг. под руководством иберского царя Вахтанга Горгасала (447–502гг.), в котором иберы, албаны, армяне, открыв Дербентский проход, призвали себе на помощь кочевников Северного Кавказа и Прикаспия [Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. С. 277]. Древнегрузинские источники сообщают, что в правление Вахтанга Горгасала жители Дербента пропускали кочевников через «Ворота Дарубанда» [Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей /пер. и ком. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 81.]. То есть город полностью контролировался местным автохтонным албанским населением, которое само решало пропускать кочевников или нет. Средневековые источники сообщают о том, что албанцам длительно воевали против Сасанидов и не впускали их в город «Ворота Дарубанда». Если и было влияние у Сасанидов в Кавказской Албании, то впоследствии своих действий навязывания албанцам зороастризма и запрета исповедовать христианство, таковое здесь надолго было утрачено. *Источники свидетельствуют, что христианское население Дербента довольно длительный период во второй половине V и в начале VI в. не испытывало в вопросах веры давления сасанидской администрации и зороастрийских магов, сохраняя свои храмы и христианские обряды.* Это означает, что город был независим от Сасанидов. Сведения об обширном христианском населении, издавна проживающем в Дербенте, были зафиксированы путешественниками, посетившими город, Адамом Олеарием в 1638г. и Иоганном Густавом Гербером в 1722 г. [Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906/введ., пер. и прим. А.М. Ловягина //Путешественники об Азербайджане. Баку, 1961. С. 293; Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под ред. М.А. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1958. С. 86.].

Весьма важный для России момент древней истории города Дербент связан с историей христианства, о котором дагестанская историография повествует весьма скупо, ограничиваясь только мимолётным упоминанием, а в рассказах экскурсоводов-гидов музея-заповедника «Нарын-кала» вообще опускается. Хотя большинство российских туристов очень интересуется данная тема в связи с историей христианизации Руси. Некоторые туристы, после посещения музея-заповедника «Нарын-кала», с огромным удивлением пишут у себя в блогах, что случайно где-то прочитали о существовании раннего христианства в Дербенте, но что им почему-то ни слова не сказали во время посещения музея-заповедника. Возникает вопрос, почему в Дагестане замалчивается, несомненная для всех кавказоведов, прямая связь города Дербент с ранним христианством, и

сама история христианства города Дербент? Кто запрещает и на каком основании, например, рассказывать российским туристам о Кавказской Албании во время их посещения музея-заповедника «Нарын-кала»? Почему россиянам и самим дагестанцам нельзя знать подлинную историю города Дербент? Причина, вероятно, заключается в том, что такой рассказ размывает официально тиражируемую сасанидскую версию истории крепости «Нарын-кала» и делает её несостоятельной. Например, история знаменитой Джума-мечети города Дербент. Никто из официальных экскурсоводов-гидов музея-заповедника «Нарын-кала» не рассказывает туристам о том, что сооружение Джума-мечети – одной из самых древней мечетей Дагестана – это бывшая христианская базилика Кавказской Албании. Примечательно, что большое количество арабских письменных источников упоминают о перестройке Джума-мечети из христианского храма [Баладзори. Книга завоевания стран /пер. П. К. Жузе //Материалы по истории Азербайджана. Вып. 3. Баку, 1927. С. 26; Ат-Табари. История пророков и царей /пер. А. Р. Шихсаидов //Рукописный фонд Института истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 254. Л. 52]. О том, что Джума-мечеть города Дербента была перестроена из монументальной христианской базилики VI–VII вв., содержатся сведения и у многих русских путешественников позднего средневековья и даже у советских археологов, изучавших крепость и Джума мечеть [Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем» 1796 г. // История география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. С. 202; Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: в 2т. Т. 2. М., 1958. С. 321; Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью: в 3т. Т. 1. Казань, 1850. С. 159–160; Артамонов М.И. Древний Дербент //Советская археология. 1946. №8. С. 141–143; Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. М., 1966. С. 159–160; Кудрявцев А. А. Древний Дербент. С. 125–127].

Второй памятник монументальной архитектуры на основании раскопок в Дербенте стал отождествляться с христианским культовым сооружением с середины 1970-х гг. Речь идет о крестообразном сооружении в цитадели Дербента [Кудрявцев А. А. Город, неподвластный векам. Махачкала, 1976. С. 127; Кудрявцев А. А. Исследования в Дербенте //Археологические открытия 1977года. М., 1978. С. 125–126].

Но все эти важнейшие нюансы истории города почему-то опускаются.

И только с VI века, наиболее известного тем, что Хосров I Ануширван начал реконструкцию стен, и начинается подробное освещение истории цитадели «Нарын-кала» в дагестанской историографии, соответственно, и в музее-заповеднике «Нарын-кала». **Античная история, христианский период истории города словно вовсе не существуют.**

В ранних средневековых письменных источниках освещается история реконструкции оборонительных сооружений крепости «Нарын-кала» в эпоху Сасанидов. Из дошедших до нас сведений проясняется, что даже и в случае реконструкции стен крепости, непосредственными строителями были отнюдь не сами персы, которых в зоне Дербента было относительно мало, а местные автохтонные народы, руками которых были возведены на месте сырцовых более мощные каменные укрепления. И все материальные ресурсы для этого Сасаниды черпали из самой Кавказской Албании, не вкладывали ничего сами своего. Летописец истории Кавказской Албании Мовсес Каланкатуаци писал о «чудесных стенах, для строительства которых персидские короли истощали нашу страну, вербовали архитекторов и собирали строительные материалы в целях строительства большого здания, простирающегося между Кавказскими горами и Великим Восточным морем». Разве это не свидетельство письменного источника, кто настоящий строитель этих великолепных стен? Не персидские цари и не персидские воины, и даже не персидские строители и архитекторы, а исключительно местные горские народы были истинными строителями этих стен. Это труд древнего населения Кавказской Албании. По свидетельству Мовсес Каланкатуаци оборонительные стены Дербента возводили автохтонные народы, на чьих костях, без преувеличения, и был возведён мощный комплекс.

Почему же, имея столько письменных свидетельств о том, что история местных дагестанских автохтонных народов неразрывна связана с историей города Дербент, как и с историей Кавказской Албании, в экскурсионных рассказах гидов музея-заповедника «Нарын-кала» об этом замалчивается? Российский востоковед Аликберов А.К. констатирует, что «К сожалению, везде, где кавказско-албанские штудии неразрывно связаны с местной историей, научные исследования все еще продолжают оставаться под влиянием властей и общественности (Albania Caucasica: Сб. статей. — Вып. I / предисл., подгот. А.К. Аликберов, М.С. Гаджиев / Российская акад. наук. Ин-т востоковедения. Дагестанский науч. центр. Ин-т истории, археологии и этнографии. — Институт востоковедения РАН, 2015, С. 21]. Данный вывод свидетельствует о том, что существующая проблема хорошо известна в ИВ РАН.

Возвращаясь к теме научно-исторического освещения истории города Дербент в ДНЦ РАН и непосредственно в музее-заповеднике «Нарын-кала», то, сложившаяся в исторической науке Дагестана тенденция освещать историю города Дербента исключительно с сасанидской эпохи и замалчивать бронзовый, античный и христианский период его истории, замалчивать существование древнейших христианских храмов в Дербенте и роль местных автохтонных народов Дагестана в античной и средневековой истории города, органично вписывается в политику определённых внешнеполитических кругов, заинтересованными в максимальном уменьшении возраста Дербента с целью связать основание города единственно только с Сасанидами, препятствующих исследованию досасанидской времени: истории бронзового века и античного периода, всецело связанных с местными автохтонными народами Кавказской Албании и распространением раннего апостольского (византийского) христианства. Являются ли эти круги приверженцами идей туранизма или они исходят из каких-то иных собственных мотивов, не меняет сути вредоносной политики. К сожалению,

дагестанская историческая наука показывает в этом отношении свою зависимость от этнополитических установок прежних лет, когда всё советское и постсоветское время, в угоду пантюркистским политическим кругам соседней закавказской республики, история древнего города освещалась в одностороннем ключе. Главенствующую роль здесь сыграли политические предпочтения бывшего руководства республики, которое в действительности не было заинтересованно в объективном изучении истории Южного Дагестана и города Дербент, интернационализм которого носил декларативный характер.

Сегодня, несмотря на происходящие позитивные перемены в Республике Дагестан с 2018 года, **ничего не меняется в официальном научно-историческом подходе относительно освещения истории города Дербент, которая продолжает освещаться не в интересах дагестанских автохтонных народов Южного Дагестана, а в целом, и не в интересах России.** До сих пор в республике информационно проводится только однобокая линия, которая позволяет приписывать историю происхождения цитадели исключительно персам, всячески отрицая возможность того, что автохтонные народы Дагестана были способны в древности строить сложные фортификационные сооружения, а соответственно, иметь высокий уровень развития; а главенствующую роль в средневековой истории города относить к арабам и тюркам, Нельзя игнорировать обстоятельство, что многотысячным посетителям, туристам и гостям музея-заповедника Нарын-кала со всех уголков России, в официальных экскурсионных рассказах преподносится версия, в которых, помимо восхваления Сасанидов, всячески возвышается роль тюрков-сельджуков в истории Дербента, пришедших в эту зону позже всех остальных восточных завоевателей в конце XII века и исключительно с завоевательными целями. Искажается вся парадигма исторического знания об истории города Дербент. Искажаются достоверные факты истории города под влиянием субъективной точки зрения авторов официальных экскурсионных рассказ, зачастую выдающих собственные фантазии и желания за историческую действительность. В результате российский турист получает низкокачественную полуисторическую справку, где подлинная история города подменена позднейшими легендами и собственными выдумками. Одновременно односторонним освещением истории происхождения крепости «Нарын-кала» и города Дербент под влиянием внешних политических сил нарушаются права местных дагестанских автохтонных народов, в первую очередь, лезгинских, на правильное освещение своей истории и достоверной роли своих предков при сооружении оборонительных стен города Дербента.

У российских туристов возникает правомерный вопрос: **«Кто на самом деле мог жить в крепости до прихода персов?»**. Кого же упоминают древние греко-римские, раннесредневековые албанские и армянские авторы в качестве древних племён этой зоны в античное время? Геродот писал, что скифы проникали в Переднюю Азию «по верхней дороге, имея по правую руку Кавказские горы», то есть через Дербентский проход. Первые сведения о вторжении скифов относятся к 722–715 гг. до н.э. В нижних слоях крепости находки вещей кавказского и скифского происхождения показывают, что вторжения киммерийцев и скифов начались сразу же после основания крепости (в 733 г. до н.э.). Об этом свидетельствуют и следы пожара в культурных слоях конца VIII столетия до н.э. На основании исследования сведений множества источников, без особого труда делается вывод, что население крепости Чол (Цол) составляли упоминаемые в древних источниках относительно народонаселения данной зоны автохтонные народы, в первую очередь, леги/леки (лезгины), касы, утии (удины), чильбы (сильвы), хечматаки, а также смешанное население, представлявшее осевших вокруг крепости в разные периоды пришельцы (маскуты, гунны, хазары). Но факт проживания в городе Дербенте дагестанских автохтонных народов в историческом прошлом в экскурсионном рассказе замалчивается. Тема – табу. Про это на территории музея-заповедника «Нарын-кала» не принято говорить. Для российских туристов в крепости всегда жили исключительно только персы, арабы, татаро-монголы, тюрки-сельджуки, ...и только. Местных автохтонных народов здесь никогда словно не было.

Но, как не замалчивать или не отрицать, историческая правда постоянно находит лазейки вырваться наружу. Дагестанские автохтонные народы издревле жили на территории города Дербент. В слоях VIII в. до н.э. на холме Жалган, где находится цитадель, в следах пожара были обнаружены находки изящных скифских и массивных албанских наконечников стрел. Как пишет А.А. Кудрявцев «Подобные наконечники стрел были найдены у стен Ашшура и Вавилона, в слоях древних городов Урарту Тейшебаини и Аргиштихинили, павших в разгар активности киммерийцев и скифов в Передней Азии в VII – начала VI в. до н.э., и во многих других городах Древнего Востока...» [Кудрявцев А.А. Древний Дербент. – М.: Наука, 1982. С. 40 – 42.]. Как пишут многие исследователи города, **в античном Дербенте не найдено никаких следов иранской культуры: вся керамика VIII–VII вв. до н. э. или местная, чисто кавказская, или... скифская.** Многие исследователи средневекового Дербента пишут, что с большой долей вероятности **в Дербентской крепости жили местные автохтонные албанские племена, защищавшие крепость от скифов, кому и принадлежали наконечники скифских стрел.** Не существует никаких письменных свидетельств о том, что Кавказская Албания и её северная столица – город Дербент – входили в состав парфянского или сасанидского Ирана. Однако существовала подлинно великая и могущественная страна, которая действительно играла важнейшую роль в истории Кавказской Албании, и это отнюдь не Персия. Кавказская Албания издревле была тесными узами связана с **Византией**. Эти узы носили как религиозно-духовный, так политический, культурный, военный и экономический характер. До прихода персов, именно Византия помогала кавказским албанам охранять стратегически важный каспийский проход на севере Кавказской Албании. В охране Каспийских ворот одинаково были заинтересованы как местные автохтонные народы, так и Византия. В итоге само

уничтожение государственности Кавказской Албании арабами было связано с тем, что албаны отказались предать Византию и служить арабам – вот истинная причина того, что военной верхушкой арабской армии было решено безжалостно убрать целую страну с политической арены Кавказа. Перехват переписки епископов апостольской церкви Кавказской Албании с Византией явилось поводом для полного уничтожения древнейшего государства, которое задолго до арабов исповедовало Единобожие и имело право на существование и религиозно-культурную среду. История ещё даст истинную оценку происшедшей с Кавказской Албанией трагедии. Необходимо отметить, что до прихода арабов, албаны объединялись с византийцами против персов. Византия была духовной матерью Кавказской Албании, основным политическим другом и военно-экономическим партнёром, а отнюдь не Персия, с которой у Кавказской Албании было много противоречий. Персов интересовали только выгодные каспийские проходы на территории Кавказской Албании и ничего более. Судьба же этой страны и её будущее персов не волновало. Албаны по своему усмотрению могли договариваться с северными кочевниками (сарматами, гуннами, хазарами и др.) на счёт того, впускать их через Каспийские ворота в прикаспийские районы, находившихся в сфере влияния Ирана, или нет. Согласно Диону Кассию, в 134–135 гг. аланы предприняли два военных похода через Дербент. Согласно Иосифу Флавию и Тациту, вооруженные контингенты скифов участвовали в войнах римлян и их союзников армян с Персией, потому что албаны пропускали их через свою территорию и назад. Судя по сообщениям Тацита, аланы-сарматы во всех своих походах на юг использовали Каспийские ворота. А в период антисасанидской борьбы царь Албании Ваче открыл проход Чол (Цол) и пропустил войска маскутов, затем объединился с одиннадцатью царями (вождями) горных племен и нанес поражение персам [Елише. О Вардане и Армянской войне. Перевод И. А. Орбели. Ереван, 1957. С. 136]. Все эти и другие эпизоды доказывают досасанидское существование цитадели, бывшей центром войны против сасанидского Ирана.

В дагестанской историографии неправомерно замалчивается также роль таких древнейших народов, как греки и армяне, в истории города Дербент, хотя греческий и армянский следы здесь обнаруживают себя задолго до прихода Сасанидов, арабов, татаро-монгол и тюрков-сельджуков. Выпадают целые интереснейшие страницы из истории города. Разные кочевые и восточные народы пытались установить контроль над крепостью. Иноземных вторжений в историю города было тьма. В «Истории Армении» Фавстос Бузанд (IV в. н.э.) сообщает, что область Дербента была подвластна царю родственных аланам маскутов Санесану, которого он называет «аршакидским царем маскутов... ибо и их цари и армянские цари были одного происхождения и рода» [Тревер К. Очерки истории и культуры Кавказской Албании. М.-Л., 1959. С.91.]. Около 250 г. крепость взяли войска шаха Шапура I, но персам тогда закрепиться на севере Албании не удалось. В начале IV в. Албания, в том числе и Чол (Цол), пережила очередное возрождение, связанное со вторичным просвещением Албании от св. Григория при царе Урнайре в 314 г. Но в конце этого же столетия (395 г.) в пределы Албании с севера хлынули аваро-гунны.

Но, кто бы сюда не приходил, город Дербент (Чога/Чол/Цол) являлся важнейшим северным форпостом Албании, а в IV–VI вв. – и столицей Кавказской Албании. И так было до вторжения сасанидских царей. Город Чол/Цол был важный христианский религиозный центр, откуда шло распространение раннего христианства по всему Юго-Восточному Кавказу [Кудрявцев А.А. «Мусульманский город Дагестана». Махачкала, 1994. С.118]. На территории крепости в 330-340 гг. был построен христианский храм с крестовым куполом (сохранился и поныне). Здесь находился патриарший престол Албанской автокефальной апостольской церкви, который в связи с угрозой нашествия хазар в 552 году был перенесен в новую столицу Партав. М. Каганкатвацци пишет, что страна «попала под власть хазар; церкви и писания преданы были огню. Тогда на второй год Хозроя, царя царей, в начале армянского летосчисления, перенесли престол патриарший из города Чога в столицу Партав по случаю хищнических набегов врагов Креста Господня» [Каганкатвацци Моисей. История агван. СПб, 1861. С. 131]. То, что арабы пришли в город, который уже исповедовал Единобожие, как и население Кавказской Албании, свидетельствует сообщение в третьей части «Истории агван» третьей части «Истории агван», где автор пишет о событиях первой половины VIII века в городе Дербент: «В 180г. (по армянскому летосчислению 732г. н. э.) Маслиман (Маслама ибн Абд ал-Мелик вторично выстроил Дарбанд во имя таджиков (арабов), но не разрушил восточного патриаршего дворца, который еще и до сих пор существует в нём» [Каганкатвацци Моисей. История агван. СПб, 1861. С. 261]. Таким образом, раннесредневековые источники свидетельствуют, что Дербент был не просто северным городом Кавказской Албании, а ведущим христианским центром Кавказской Албании, что нашло отражение в титулатуре главы Албанской церкви, который подписывался «Католикос Агванский, Лбинский и Чога» [Каганкатвацци Моисей. История агван. СПб, 1861. С. 131]. Даже в поздних церковных бумагах католикос Тер-Виро писал: «Я, Виро, Католикос Агванский, Лбинский и Чога». В источниках есть множество свидетельств о роли Дербента как религиозного центра Кавказской Албании. «Священное Писание в Дербенте (в городе Чога) стал успешно проповедовать уже в начале 60-х годов I в. н.э. ученик апостола Фаддея святой Елисей.» [Кудрявцев А.А. Древний Дербент в истории раннехристианского мира // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т.67. Вып.3. С. 910–929. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.31>].

По мнению А.А. Кудрявцева, современная мусульманская Джума-мечеть в Дербенте представляет собой сооружение албанского храма-базилика, переделанное под мечеть. «Не меньший интерес представляет памятник базиличного типа, известный в исторической литературе как Джума-мечеть. Это сооружение,

имеющее характерную для позднеантичных-раннесредневековых христианских культовых памятников трехнефную базиличную форму, вытянут с запада на восток, чем отличается от основной массы зданий гражданской и культовой архитектуры города, сориентированных продольной стороной по оси север-юг. Вероятно, центральный зал, так же, как и пристройка с восточной стороны сооружения, появились в начале VII века, когда Маслама перестраивал христианский храм под мечеть и было необходимо выделить парадное место для михраба» [Кудрявцев А.А. «Мусульманский город Дагестана». Махачкала, 1994. С. 118].

«Особое значение Дербент приобрел в период антииранского восстания 60-х годах V в. при царе Кавказской Албании Ваче II, который превратил его в один из оплотов христианства на Кавказе и в резиденцию главы Албанской церкви, престол которого находился в городе до середины VI в. Именно в 60-х гг. V в., как показали наши раскопки, в цитадели Дербента был возведен крестообразный храм, перестроенный в начале XVII столетия очередными «хозяевами» города – турками-османами – в водохранилище (Прим. Ш.П.: в XVI- XVII вв. – Дербент арена ожесточённых схваток Османской Империи и государства Сефевидов. Именно тогда в городе появляется и турецкий хамам XVII века. Отличительная черта средневековой турецкой культуры: в Османской империи в хамамы перестраивались бывшие римские термы и оставшиеся от Византии христианские храмы). Проведенные в 2020 г. новейшие геофизические исследования методами георадарного и лазерного сканирования и фотограмметрии подтвердили данные, полученные в ходе раскопок, о культовом назначении крестообразного сооружения в цитадели и отождествлении его с христианским храмом V в., одним из самых древних городов России» [Кудрявцев А.А. Древний Дербент в истории раннехристианского мира // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т.67. Вып.3. С. 910–929. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.31>]

Выдающийся востоковед академик Бартольд В. В. отмечал, что христианство преобладало в пограничных прикаспийских областях Персии на Кавказе, которые в 7 веке были уже захвачены арабами, которые в своих письменных источниках «упоминают о христианстве как о религии местного населения, а о последователях зороастризма не упоминается» [Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Бартольд В.В. Сочинения: в 9т. Т. 2, ч. I. М., 1963. С. 672].

В V – VI вв. власть над проходом переходит к сасанидским шахам (Каваду, Ездигерду, Хосрову I Ануширвану), **перестроившим** укрепление. Топоним «Дербент», который относится именно к городу и крепости, которую мы видим сегодня, появляется только в V веке, когда Кавказская Албания стала марзпанством Сасанидского государства. Причём персидскими авторами нигде не указано, что цитадель соорудили сасанидские правители. Персидские источники пишут исключительно об реконструкции стен Дарубанда Йездигердом, Кавадом и Ануширваном в V-VI вв., что невозможно игнорировать или истолковывать иначе. По этому поводу дагестанский исследователь Б. Эскендеров пишет в статье «Дербент – древнейшая столица Кавказской Албании» о неоднозначности сведений такого плана: «Достаточно сказать, что эти сведения имеются только в источниках арабо-мусульманского периода, когда Персия была провинцией Халифата. Причем это не переводы персидских источников, а именно труды арабских или арабо-персидских историков и географов. А в дошедших до нас пехлевийских текстах специалисты таких сведений не находят. И это подозрительно. Мало того, таких сведений нет и в переведенных на арабский язык персидских источниках. Например, персы довольно скрупулезно записывали, где какие города ими были построены. К VI веку эти сведения были сведены в одну книгу «Шахрестаниха-и Еран» (Города Ирана). О Дербенте в ней нет ни слова». Противоречивы также сведения в источниках о материале строительства стен крепости. Но в современное время их материал уже установлен. Это местный ракушечник, из которого мастерились плиты, из которых сложены цитадель и городские стены Дербента VI в., а также Горная стена VI-VII вв. Поэтому совершенно справедливо утверждение Б. Эскендерова: «В дошедшем до нас в арабском переводе «Книге деяний Ануширвана» также нет ничего о причастности Ануширвана к строительству в Дербенте. Так что, сведения о строительстве Дербентских стен персидскими царями требуют к себе очень критического отношения, особенно в свете того, что, как указывают сами авторы этих сообщений, камень для строительства доставляли из Гургана на северо-востоке современного Ирана. А это даже при современных транспортных технологиях очень накладно.» [[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lezgigazet.ru/archives/133580>]. А из исследований А.А. Кудрявцева следует, что материалом строительства крепостной стены служили крупные, хорошо отесанные каменные блоки с забутовкой рваным камнем на высококачественном известковом растворе внутреннего пространства стен. Как видите, любое глубокое погружение в источники выявляет в них массу противоречий и маловероятных утверждений. На это многократно указывает и А.А. Кудрявцев.

Необходимо отметить, что, когда в 698 г. город подвергается нашествию арабов и первые отряды арабских воинов появляются в Баб ал-абвабе в 22 г. хиджры (642-643 г.), то здание албанской церкви – базилики с резиденцией патриарха оставалось целым при взятии города арабами, но впоследствии оно было перестроено в Джума-мечеть, которая действует и поныне [Кудрявцев А.А. Мусульманский город Дагестана. Там же]. Как мы отмечаем выше, арабы ликвидировали государственность Кавказской Албании, вступивший в союз с Византией против арабов, а Албанскую Апостольскую церковь передали в ведомость Армянской церкви. Произошло это в 705 году до н.э. Территория Кавказской Албании и город Дербент, переименованный арабами в «Баб ал-абваб», становится ареной ожесточённых сражений между арабами и местным автохтонным населением, состоявшей большей частью из лезгинских народов. Арабские авторы к 722 году

уже сообщают о Царстве «Лакз», вернее, это был военный союз вольных лезгинских обществ, объединившихся против арабов под руководством избираемого военного вождя. В арабоязычных письменных источниках, относительно вождей горских племён, использовалось определение «цари», но на самом деле это были предводители вольных обществ. Война с арабами продолжалась до 735 года, когда Мерван ибн-Мухаммед полностью подчинил Кавказскую Албанию [Каланкатуйк, III, 16]. Арабам удалось полностью завоевать Дербент и превратить его в военно-административный центр на Юго-Восточном Кавказе. В VIII-XIV вв. город становится крупнейшим торговым центром и портом на Каспийском море, очагом распространения ислама в регионе. А. Аликберов пишет: «Лакз был связан с Баб ал-абвабом самым тесным образом. «Райхан ал-хакаик» и другие источники сообщают о жителях Дарбанда с нисбами ал-Лакзи. Абу Хамид ал-Гарнати поставил «язык лакзов» на первое место, когда писал о языках, которые он слышал в Баб ал-абвабе в первой половине XII века. По свидетельству арабского географа, «лакзанским языком» владел также и дарбандский амир» [Аликберов А.А. Эпоха классического ислама на Кавказе. Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI-XII вв.). Москва: Восточ. лит., 2003]. В XI в. получает известность знаменитый учёный Лакзи-Юсуф ад-Дарбанди, представитель автохтонного народа, который получал свои знания в багдадской правовой школе. Лакзи-Юсуф был крупным знатоком фикха – мусульманского права в рамках шафиитской школы и историографом при дворе правителя Баб аль-Абваба (Дербента) из династии Аглабидов. Он является также автором исторического сочинения «Дербенд-наме».

В конце XII – начале XIII вв. Дербент становится городом-эмиратом, известным в истории как самостоятельное феодальное владение – Дербентский эмират. Здесь чеканилась своя монета. В 1239 г. Дербентский эмират теряет независимость и входит в состав Золотой Орды, а в 1437 г. становится провинцией государства Ширваншахов. Касаясь территории Дербентского эмирата, Абу Хамид ал-Гарнати отмечает, что она тянулась тогда к югу на несколько десятков километров и включало в свои границы город Шабран, к западу простиралось не далее ближайших горных ущелий, а на севере включало часть территории области Табасаран. Так, профессор Р. Магомедов пишет: «При определении отношений между Дербентским княжеством, Лакзом, Ширваном междуособные распри нельзя считать определяющим мотивом. Факты свидетельствуют, что народы Дербентского княжества, Лакза чувствовали свою близость к ширванскому населению и чутко прислушивались к событиям в Ширване. Когда в Ширван вступили кочевники-даиламиты, ширваншах Йазид обратился к Дербенту с просьбой о помощи, и население Дербента помогло ему, и дейламитами (ираноязычные наемники) были изгнаны из Ширвана» [Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, Махачкала, 1968]. Сведения профессора Р. Магомедова свидетельствует о том, что дагестанские автохтонные народы играли основную политическую роль в истории Дербентского эмирата, центром которого была цитадель «Нарын-кала», а отнюдь не персы, арабы, тюрки и прочие восточные переселенцы. Самая трагическая страница в истории Дербента, в том числе и народов Юго-Восточного Кавказа, связана с вторжением орд монголо-татар, объединенные под властью Чингиз-хана, жестоко покорявшим страны Европы и Азии, превращавшим цветущие города в руины. Большое войско во главе с Кавтар-ханом должен был пройти с юга на север через Каспийский проход. Но его остановили стены Дербента. Дербентский эмир Рашид-хан не открыл ворота. Город отчаянно защищался. В 1239 г. Дербент был занят монголо-татарами. В дальнейшем город Дербент, как важный стратегический центр, стал переходить из рук в руки между преемниками государства Чингиз-хана.

Последние правители Ширвана и Дербента – Хаджи Давуд (XVII - XVIII вв.) и Фетали-хан (1758 - 1789) были представителями автохтонных народов. Оба в своё время обращались к русским императорам – Хаджи Давуд к Петру Первому, Фетали-хан к Екатерине Второй – с просьбой принять их подданство Российской империи, так как считали, что именно в составе великой России Дербент и Ширван, раздираемые нескончаемыми войнами и нашествиями кочевых племён, обретут защиту и долгожданный покой. Есть сведения также о том, что Екатерина Вторая имела в планах возрождение государственности Кавказская Албания. Особенное отношение к Дербенту имело место и со стороны Петра Первого. «Император придавал большое значение Дербенту как оплоту российского влияния на Кавказе. Покидая его, Петр I оставил множество распоряжений, направленных и на укрепление фортификационных построек, и на обустройство дербентской гавани, наметив еще множество грандиозных задумок и планов» [Иноземцева Е.И. Дербент в культурно-цивилизационном пространстве средневековья: специфика и особенности. С. 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/derbent-v-kulturno-tsivilizatsionnom-prostranstve-srednevekovya-spetsifika-i-osobennosti>]. Русский император тонко прочувствовал геополитическую важность города Дербент именно в такой идеологической ипостаси.

Это всего лишь некоторые из важнейших исторических моментов в истории города Дербент. Почему же столь богатая и разнообразная история крепости «Нарын-кала» во многих существенных моментах замалчивается? Почему российские туристы не могут знать все имеющиеся версии происхождения крепости? Когда произойдёт научно-историческая перезагрузка в подходе к освещению истории самого древнего города Российской Федерации в сторону государственных интересов России и национальных интересов дагестанских автохтонных народов?

Другой не менее щепетильный вопрос касается вредоносной тенденции всячески возвышать роль пришлого восточного населения в районе Дербента и придавать им несуществующую роль в возведении крепостных стен. Доподлинно известно, что практически все переселения с территорий восточных стран в

район города Дербент происходили только после появления здесь крепости и города, а не до. Восточные племена селились (или их расселяли) вокруг уже существовавшей крепости. Ни в одном средневековом источнике нет сведений о том, что эти племена пришли на пустое место и сооружали крепостные стены, они пришли в существовавший город, но зато есть письменное сведение о том, что албанцы сооружали их пусть в эпоху Сасанидов, были задействованы албанские строители, архитекторы и строительные материалы [Мовсес Каганкатватци. История страны Алуанк]. Ни территория, ни духовные и материальные ценности, ни памятники истории и культуры на территории Дагестана не могут быть даже гипотетически объявлены принадлежавшими в прошлом каким-либо чужеземным восточным завоевателям, приходившим сюда исключительно с военными целями ради контроля над стратегически важным участком и обогащения, как не должны быть объявлены и принадлежащими потомкам переселённых сюда упомянутыми восточными завоевателями чужеземных племён, оставшимися на территории Дербента. Это выглядит крайне несправедливо в отношении местных горских народов, чьи предки ложились костями, защищая свои земли от непрерывных нашествий кочевников и экспансий восточных правителей.

Дагестану нужна честная, объективная, вариативная история крепости «Нарын-кала» и исторической части города Дербент, в первую очередь, в интересах самих дагестанских автохтонных народов без чуждых агитаций.

В завершении статьи приведу цитаты из статьи российского востоковеда Аликберова А.К., которые лучше всего раскрывают суть и научной проблемы относительно истории города Дербент, разворачивая тему в сторону интересов России и населяющих его уникальных народов с древней историей и культурой. «Разделенность советской академической науки на региональные научные школы, исследовавшие проблемы истории в строго определенных географических рамках своих «республик», привела к парадоксальной ситуации, когда историческое прошлое дагестанских, в том числе лезгинских, народов изучалось почти исключительно в рамках сегодняшних административных границ Дагестана. В качестве объекта исторического анализа в основном рассматривались территории, политические образования, а не народы, которые, собственно, и творили историю. Тем самым единый исторический процесс на Восточном Кавказе искусственно разрывался на части. Возвращение к парадигме субъектности народов в истории позволяет **рассматривать историю Кавказской Албании в качестве составной части истории не только азербайджанского, но прежде всего лезгинских (а в широком смысле — дагестанских) народов.**» [Аликберов А.А. Там же. С. 24]. «Сегодня в России идет сложный процесс гармонизации различных идентичностей — этнической, религиозной, культурной, исторической и гражданской. ...Проблема гармонизации идентичностей характерна для всех постсоветских стран, находящихся в процессе все еще продолжающейся общественной трансформации. Ясно, что в первую очередь необходимо изучать историю народов вместо истории территорий, однако для гармоничного гражданского воспитания не менее важно вписывать историю народа в историю страны, в которой этот народ живет. Подобная постановка вопроса позволяет ввести в российскую историческую науку еще один тематический дискурс, до сих пор мало осознаваемый и артикулируемый. **Речь идет о необходимости рассматривать историю Кавказской Албании как часть истории России, а не только Азербайджана, Армении и Грузии**» [Там же. С. 25-26].

История города Дербент античного периода, раннего средневековья это неотъемлемая часть истории Кавказской Албании, которую нельзя, да и невозможно, преподносить без упоминания истории Кавказской Албании и местных автохтонных народов в экскурсионном рассказе. А если такое происходит, то наносится намеренный ущерб интересам Дагестана и России. **Таким образом, проведением версии истории города Дербент в абсолютно невыгодном местным автохтонным народам свете, обнуляющем их историческую роль при сооружении крепостных стен и развития города, неправомерно отдавая первенство и приоритеты чужеземным завоевателям, осуществлявшим военную экспансию в регион, ущемляются права дагестанских автохтонных народов на справедливое освещение своей истории в собственной республике.**

Международные отношения с соседними иностранными государствами не должны строиться на ущемлении национальных интересов своих собственных народов, ради угождения первым в ущерб вторым, а на подлинном взаимном уважении и разграничении интересов в области истории и культуры, особенно в спорных вопросах. Старые научно-исторические подходы, как и культурно-политические, основанные на постоянных уступках соседям ради удовлетворения их амбиций в ущерб интересам самой России и российских народов, в настоящем времени показали свою полную несостоятельность. Южный Дагестан ожидает справедливого отношения к себе во всех отношениях, а тем более, что подобная переоценка полностью укладывается в канву новых российских геокультурных интересов на Кавказе.

Российский патриотизм предусматривает патриотизм и на уровне своего народа, республики, региона, города, села. При освещении истории великих памятников истории и культуры российских народов не должна озвучиваться чуждая внешняя пропаганда ни в каком виде. Острейшие проблемы, с которыми столкнулось российское общество на современном этапе, вызывают острую необходимость освещения истории народов России, в том числе и древнейшего города России, исключительно только в собственных национальных интересах и с позиции российского патриотизма как основы духовно-нравственного единства всех народов России. Город Дербент должен возродиться в своей полной славе как мощный оплот российского влияния на современном Кавказе. Нужна здоровая научная дискуссия об научно-исторических подходах при освещении

истории города Дербент, оказывающей огромное влияние на мироощущение местного населения и на восприятие истории своей страны российскими туристами, нужна выработка собственной идеологической платформы в национальных интересах Дагестана и дагестанских автохтонных народов, а в целом, в государственных интересах России. История города Дербента это, в первую очередь, история коренных российских народов Российской Федерации, должна строиться на достоверном научно-историческом материале, раскрывать все нюансы темы, содержать идеологию, направленную на укрепление российской государственности.

Список литературы / References

1. *Albania Caucasia*: Сб. статей. — Вып. I / предисл., подгот. А.К. Аликберов, М.С. Гаджиев / Российская акад. наук. Ин-т востоковедения. Дагестанский науч. центр. Ин-т истории, археологии и этнографии. — Институт востоковедения РАН, 2015.
2. Аликберов А.А. Эпоха классического ислама на Кавказе. Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI-XII вв.). Москва: Восточ. лит., 2003.
3. Артамонов М.И. Древний Дербент // Советская археология. 1946. №8.
4. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
5. *Ат-Табари*. История пророков и царей /пер. А.Р. Шихсаидов // Рукописный фонд Института истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 254. Л. 52.
6. *Баладзори*. Книга завоевания стран /пер. П.К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Вып. 3. Баку, 1927.
7. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Бартольд В.В. Сочинения: в 9т. Т. 2, ч. I. М., 1963.
8. Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью: в 3т. Т. 1. Казань, 1850.
9. *Бестужев-Марлинский А.А.* Сочинения: в 2т. Т. 2. М., 1958.
10. Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII-XV вв. М., 1966.
11. Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем» // История география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв., 1796.
12. Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы / под ред. М.А. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1958.
13. Дудайти А.К. Бетеева М.М. Историческое место и роль города Дербента в российской и мировой истории. Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 2. ISSN 0321-305.
14. Елише. О Вардане и Армянской войне. Перевод И. А. Орбели. Ереван, 1957.
15. Иноземцева Е.И. Дербент в культурно-цивилизационном пространстве средневековья: специфика и особенности. Текст научной статьи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/derbent-v-kulturno-tsivilizatsionnom-prostranstve-srednevekovya-spetsifika-i-osobennosti/> (дата обращения: 28.05.2023).
16. Каганкатвацци Моисей. История агван. СПб, 1861.
17. Каланкатуаци Мовсес. История страны Алуанк. (в 3-х книгах). II, 11; /Пер.с др.арм. Ш.В. Смбатяна/. Ереван, 1984.
18. Кудрявцев А.А. Древний Дербент в истории раннехристианского мира //Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т.67. Вып.3. С.910-929. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.31>
19. Кудрявцев А.А. Раскопки в цитадели древнего Дербента //Археологические открытия. 1973. М., 1974.
20. Кудрявцев А.А. Дербент – древнейший город России. Махачкала, 2015
21. Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М.: Наука, 1982.
22. Кудрявцев А.А. «Мусульманский город Дагестана». Махачкала, 1994.
23. Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969. С. 87-88; Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
24. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, Махачкала, 1968.
25. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей /пер. и ком. Г.В. Цулая. М., 1979.
26. Нагиев Ф. «Термины родства у лезгин». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/10796833/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D1%8B_%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D1%83_%D0%BB%D0%B5%D0%B7%D0%B3%D0%B8%D0%BD/ (дата обращения: 28.05.2023).
27. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906 / введ., пер. и прим. А.М. Ловягина // Путешественники об Азербайджане. Баку, 1961.
28. Патканов К.П. Из нового списка «Географии», приписываемой Моисею Хоренскому». ЖМНП, 1883.
29. Филимонов, Д.В. Исторические аспекты развития города Дербента / Д.В. Филимонов, М.Ю. Данилюк // Юный ученый. — 2022. — № 8 (60). — С. 27-33. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/young/archive/60/3188/> (дата обращения: 28.05.2023).
30. Тревер К. Очерки истории и культуры Кавказской Албании. М.-Л., 1959.

31. Устинкин С.В., Рудаков А.В. Идентичность – объект современного глобального противоборства//Обозреватель – Observer. 2017. № 9. С. 60.
32. Эскендеров Б. «Почему «Нарын-кала»?» // «Лезги газет» №24 от 17 июня 2021
33. «Дагестанский эксперт: История Дербента уходит своими корнями к поселению 5-тысячелетней давности». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1597577/> (дата обращения: 28.05.2023).
34. «Рамазан Абдулатипов – Александру Хлопонину. Дербенту не придадут особый статус» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://riaderbent.ru/nash-otvet-aleksandru-hloponinu-derbentu-pridadut-osobyu-status.html/> (дата обращения: 28.05.2023).
35. «Рамазан Абдулатипов отказал Хлопонину предоставить Дербенту особый статус» См. видео с 25 минуты на ютуб. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=q_4bE4BQTDQ&t=1693s/ (дата обращения: 28.05.2023).